

На правах рукописи

Баумштейн Антон Борисович

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ НАЧАЛА УГОЛОВНОГО ПРАВА РОССИИ

Специальность: 12.00.08 – Уголовное право и криминология;
уголовно-исполнительное право

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание учёной степени
доктора юридических наук

Курск - 2017

Диссертация выполнена на кафедре уголовного права федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Юго-Западный государственный университет».

Научный консультант: **Рарог Алексей Иванович,**
Заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права ФГБОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)»

Официальные оппоненты: **Наумов Анатолий Валентинович,**
доктор юридических наук, профессор, ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)», профессор кафедры уголовного права и криминологии

Лопашенко Наталья Александровна,
Почетный работник Министерства образования Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права

Пудовочкин Юрий Евгеньевич,
доктор юридических наук, профессор, ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия», профессор кафедры уголовного права

Ведущая организация: ФГКОУ ВО «Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации».

Защита состоится 22 июня 2017 года в 10 часов 00 минут на заседании диссертационного совета Д 212.081.32, созданного на базе ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», по адресу: 420008, г. Казань, ул. Кремлевская, д.18, зал заседаний диссертационного совета.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке им. Лобачевского ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет и на официальном сайте КФУ: www.kpfu.ru

Сведения о защите, автореферат и диссертация размещены на официальных сайтах ВАК при Министерстве образования и науки РФ: www.vak.ed.gov.ru и ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет: www.kpfu.ru

Автореферат разослан « ____ » _____ 2017 года.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат юридических наук, доцент

Н. Е. Тюрина

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность диссертационного исследования. Являясь составной частью правовой системы Российской Федерации, уголовное право, начиная с конца 1980-х гг., находится в состоянии постоянных перемен, идущих с разной степенью интенсивности вот уже более двух с половиной десятилетий. Процесс перехода от советского уголовного законодательства завершился в 1996 году принятием действующего Уголовного кодекса РФ. Воплотивший в себе лучшие достижения уголовно-правовой науки того времени, кодекс вместе с тем не получил должного обоснования на глубинном теоретическом уровне. Иными словами, за его уголовно-правовыми конструкциями, в целом работоспособными и доктринально обоснованными, не просматривается основательного теоретического фундамента. Точнее говоря, этот фундамент, безусловно, существует, однако не привлекает должного внимания исследователей.

Период стабильности, продолжался несколько лет после принятия Уголовного кодекса РФ, но с начала 2000-х гг. сменился периодом интенсивной законотворческой работы, размах которой с течением времени только нарастает. По состоянию на июль 2016 года принято 193 федеральных закона, изменивших многие положения Уголовного кодекса РФ. Процессы криминализации и декриминализации, изменения в пенализации, поправки в институтах Общей части уголовного права идут одновременно, часто противоречиво и путано. Поспешные законодательные решения затем неоднократно пересматриваются, внутренние противоречия уголовного закона множатся, несогласованность с нормами регулятивного законодательства достигает в некоторых случаях критических масштабов. На фоне сложной криминогенной обстановки такое состояние уголовного закона не может не вызывать обеспокоенности, и научное сообщество с начала 2000-х гг. на многочисленных научных форумах (Российских конгрессах уголовного права, проводимых на юридическом факультете Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова (МГУ); научно-практических конференциях в Московском государственном юридическом университете имени О. Е. Кутафина (МГЮА), Казанском (Приволжском) федеральном университете (КФУ), Саратовской государственной юридической академии (СГЮА), Уральском государственном юридическом университете (УрГЮУ) и др.) постоянно призывает законодателя обратить внимание на качество проводимой им уголовной политики. Однако проблема качества уголовного законодательства усугубляется тем, что как таковой внятной и осознанной уголовной политики в настоящее время в Российской Федерации, по сути, не существует.

Сказанное могло бы угрожать разрушением уголовного права как отрасли российского права, однако этого не происходит и – что более важно – не может произойти. Обусловлено это тем, что за поверхностью позитивного уголовного

законодательства находится материя, образующая каркас уголовного права. Косвенным подтверждением её существования являются, как ни странно, положения Уголовного кодекса РФ, особенно его первые главы, посвящённые вопросам уголовного закона, преступления и наказания: положения этих глав в сравнении с иными нормами уголовного закона за последние годы менялись крайне редко, если вообще менялись. Это означает, что за ними стоит нечто большее, нежели просто решение или усмотрение законодателя.

Именно исследованию до сегодняшнего дня практически неизвестной материи посвящена данная диссертация, рабочая гипотеза которой сводится к раскрытию и описанию особого уголовно-правового явления – *концептуальных начал уголовного права*, а именно начал уголовного закона, преступления и наказания. Указанные начала образуют каркас (или фундамент) уголовного права, ставящий границы законодательному произволу и определяющий пределы теоретической мысли; они же являются историческим наследием российского уголовного права, восходя к его доктринальным истокам начала XIX века. Концептуальные начала последнего позволяют не только оценить современное состояние уголовного законодательства, но и спрогнозировать его развитие в будущем.

Как следствие, актуальность предлагаемой темы диссертационного исследования определяется необходимостью раскрытия данного фундамента российского уголовного права и предложения на его основе мер по коррекции очевидных отступлений от выверенных временем уголовно-правовых постулатов, имеющих место в законотворчестве или практике применения уголовного закона.

Степень научной разработанности темы диссертационного исследования. Подходы к выявлению концептуальных начал уголовного права встречались в российской науке уголовного права и ранее. На самых ранних этапах реформирования уголовного законодательства в 1996 году Т. Г. Понятовской была защищена докторская диссертация («Концептуальные основы уголовного права России: история и современность»), которая вместе с тем по признанию самого автора была скорее попыткой поставить вопрос о содержании концептуальных начал, чем ответить на него. Отдельные подходы к выявлению концептуальных начал уголовного права или его отдельных институтов (не задаваясь пока вопросом о самой обоснованности последних попыток) делались в работах Е. Ю. Антоновой, Г. В. Вериной, П. Н. Панченко, С. И. Тишкевича и других авторов. Определённую связь исследование концептуальных начал имеет с трудами, посвящёнными уголовной политике, принципам уголовного права и уголовного закона (работы Н. А. Беляева, С. С. Босхолова, А. А. Герцензона, В. С. Комиссарова, А. И. Коробеева, Н. А. Лопашенко, С. Ф. Милюкова, В. А. Номоконова, В. С. Овчинского, Э. Ф. Побегайло, Б. Т. Разгильдиева, Т. Р. Сабитова, Е. Е. Чередниченко, В. Ф. Щепелькова и др.). Концептуальные начала уголовного права фактически стоят за фундаментальными исследованиями в области уголовного закона,

преступления и наказания, предпринимавшимися в разное время такими специалистами, как Б. В. Волженкин, Н. Д. Дурманов, В. Н. Кудрявцев, Н. Ф. Кузнецова, В. Б. Малинин, А. В. Наумов, А. А. Пионтковский, А. И. Рарог, А. Н. Трайнин, М. Д. Шаргородский и др. Однако ни одним из перечисленных авторов не только не ставился вопрос о существовании концептуальных начал уголовного права, но даже и не предпринималось попыток в современных условиях раскрыть их содержание, проследить эволюцию и нарисовать перспективы развития в будущем. В этой области теоретической мысли имеется очевидная лакуна, связанная с отсутствием комплексного осмысления концептуальных начал уголовного права на основе идей классической школы уголовного права.

Объектом диссертационного исследования выступает проблема концептуальных начал уголовного права России в их историческом и современном отображении в теории уголовного права, уголовном законе и судебной практике.

Предметом диссертационного исследования являются:

- источники русского уголовного права, советское уголовное законодательство;
- действующие уголовно-правовые нормы;
- нормы конституционного, административного и иных отраслей права;
- судебная практика;
- зарубежное законодательство;
- научные публикации по исследуемым вопросам.

Цель и задачи диссертационного исследования. Цель состоит в раскрытии истоков, природы, содержания и функционального назначения концептуальных начал уголовного права, оценке на этой основе и под этим углом зрения современного состояния российского уголовного законодательства и формулировании основных направлений динамики его дальнейшего развития с учётом концептуальных начал уголовного права.

Достижение указанных целей потребовало решения следующих **задач**:

- определить понятие и содержание концептуальных начал уголовного права;
- выявить соотношение концептуальных начал уголовного права с уголовной политикой и принципами уголовного права;
- раскрыть периодизацию эволюции концептуальных начал в истории уголовного права России;
- проследить конкретное развитие концептуальных начал уголовного права России начиная с XIX века в рамках нескольких последовательно сменявших друг друга школ уголовного права;
- описать концептуальное начало закона через единство составляющих его представлений о писаном, определённом и предшествующем деянию уголовном законе;

- описать концептуальное начало преступления через единство составляющих его представлений о преступлении как деянии и виновном деянии;

- описать концептуальное начало наказания через единство составляющих его представлений о личной ответственности за содеянное, наказании и иных мерах уголовно-правового характера как единой системе следствий совершенного преступления (общественно опасного деяния);

- предложить конкретные решения по совершенствованию выявленных недостатков уголовного законодательства и практики его применения.

Методология и методика исследования. Методологической основой диссертационного исследования являются диалектический метод познания общественных явлений, общенаучные и частнонаучные методы. Работа построена на основе познания развития уголовного права в результате, как эволюционных этапов, так и парадигмальных изменений его материи. Общенаучные методы исследования использовались при изучении формирования школ уголовного права и их влияния на уголовное законодательство (исторический метод), при описании совокупности представлений на концептуальные начала уголовного права (системный), при анализе отдельных институтов уголовного права и отдельных преступлений (структурный) и т.д. К числу использованных частнонаучных методов относятся формально-юридический (позволил проанализировать релевантные источники права, выявить сущность исследуемых явлений), сравнительно-правовой (применялся при анализе законодательства зарубежных государств) и др.

Теоретическую основу диссертационного исследования составил комплекс трудов по различным блокам уголовно-правовой доктрины. В частности, использовались труды по:

- русской уголовно-правовой догматике (А. А. Жижиленко, А. Ф. Кистяковский, Э. Я. Немировский, С. В. Познышев, Н. Д. Сергеевский, Г. И. Солнцев, Н. С. Таганцев, П. А. Фейербах);

- истории уголовного права и уголовно-правовой мысли (О. В. Андрусенко, А. А. Герцензон, М. М. Исаев, А. В. Наумов, А. А. Пионтковский, Ф. М. Решетников, Г. С. Фельдштейн, А. И. Чучаев, О. Ф. Шишов);

- уголовной политике (М. М. Бабаев, Н. А. Беляев, С. С. Босхолов, Б. Я. Гаврилов, Ю. В. Голик, П. С. Дагель, Л. В. Иногамова-Хегай, А. И. Коробеев, Н. А. Лопашенко, С. Ф. Милюков, П. Н. Панченко, Э. Ф. Побегайло, Т. Г. Понятовская, Ю. Е. Пудовочкин, В. Ф. Цепелев);

- проблемам источников уголовного права (А. И. Бойцов, М. А. Кауфман, А. Г. Кибальник, К. В. Ображиев, Н. И. Пикуров, С. С. Пирвагидов, В. Д. Филимонов, А. Е. Якубов);

- отдельным институтам Общей части уголовного права (Е. Ю. Антонова, Н. Д. Дурманов, А. Э. Жалинский, В. Н. Кудрявцев, Н. Ф. Кузнецова,

В. Б. Малинин, Т. И. Нагаева, А. И. Рарог, А. Н. Трайнин, М. Д. Шаргородский, В. А. Якушин);

– отдельным преступлениям из Особенной части Уголовного кодекса РФ (А. Г. Безверхов, Б. В. Волженкин, А. Н. Попов, П. С. Яни).

Правовой основой исследования стали источники русского уголовного права до 1917 г., Уголовный кодекс РСФСР (далее - УК РСФСР) 1922, 1926 и 1960 гг., иное уголовное законодательство советского периода; действующие нормативные правовые акты: Конституция РФ 1993 г., международные правовые акты, Уголовный кодекс РФ (далее - УК РФ) 1996 г., положения иных отраслей права в той части, в какой они связаны с объектом диссертационного исследования. В работе использовано законодательство ряда зарубежных государств.

Эмпирическую основу диссертационного исследования составила практика Конституционного Суда РФ (постановления и определения за период 1995–2016 гг.), Европейского Суда по правам человека (отдельные решения за период 1993–2009 гг.), а также статистические данные о состоянии преступности и судимости за 2012 – середину 2016 гг. Судебная практика судов общей юрисдикции представлена анализом постановлений Пленума, отдельных решений Верховного Суда РФ, а также нижестоящих судов за период с начала 1990-х гг. и по настоящее время, которые либо опубликованы, либо содержатся в справочных правовых системах. Преимущественно теоретический характер работы определил выборочное обращение к материалам судебной практики, которая используется в диссертации при анализе частных вопросов применения уголовного закона.

Научная новизна диссертационного исследования обусловлена объектом диссертационного исследования, его целями и задачами. Научной новизной отличаются положения о природе и функциональном назначении концептуальных начал уголовного права, их соотношении с уголовной политикой и принципами уголовного права; выделяемые в работе ключевые моменты, описывающие эволюцию концептуальных начал уголовного права. Научная новизна присуща также положениям, раскрывающим содержание отдельных концептуальных начал уголовного права, а также выявляющим несогласованность действующего уголовного законодательства и практики его применения с концептуальными началами; новыми являются формулируемые на перспективу положения, связанные с разработкой критериев конституционности уголовного законодательства с точки зрения его определённости, предсказуемости, своевременности.

На защиту выносятся следующие основные научные положения, выводы и рекомендации:

1. Концептуальные начала уголовного права представляют собой основные идеи, определяющие содержание и наполнение уголовного права и обусловленные сложившейся в рамках школ уголовного права определённой системой социально-философских взглядов на природу уголовного права, его

задачи и используемый им инструментарий в их решении. Содержание концептуальных начал уголовного права может быть выявлено через формальные источники уголовного права: фактически они закреплены в нормах уголовного закона явным образом (в особенности в концентрированном виде в принципах уголовного законодательства) либо могут быть выведены из него судебной практикой или общепризнанным мнением науки уголовного права.

2. Современные концептуальные начала российского уголовного права покоятся на воззрениях классической школы уголовного права с привнесением идей социологической школы (что можно именовать «русским неоклассицизмом») и могут быть сведены в три крупных блока, которые можно назвать «закон», «преступление» и «наказание».

3. Функциональное действие концептуальных начал уголовного права проявляется в трёх областях; общим в этом действии будет *ограничительно-направляющая роль* указанных начал. На уровне *уголовного закона* концептуальные начала устанавливают законодателю определённые границы, в которых тот может действовать, объявляя деяние преступным и наказуемым. На уровне *судебной практики* концептуальные начала являются руководящими установками для судей при толковании и применении уголовного закона. На уровне *теории уголовного права* концептуальные начала образуют круг признанных аксиоматических положений.

4. Концептуальные начала уголовного права играют роль ограничителя уголовной политики, ставя правотворчеству и правоприменению границы в их деятельности. Это представляет собой *тактическое* соотношение концептуальных начал и уголовной политики; с точки зрения *стратегии* развития общества уголовная политика (точнее, уже общая правовая политика) может радикально влиять на концептуальные начала уголовного права, диктуя их смену в приложении к отдельно взятой уголовно-правовой системе. Такая смена является, как правило, следствием крупных социально-политических потрясений в обществе, изменения идеологических и ценностных установок и т.п.; она же может быть следствием медленной эволюции социума. Однако после такой стратегической смены восстанавливается тактический баланс уголовной политики и концептуальных начал уголовного права.

5. Можно выделить следующие этапы эволюции концептуальных начал в уголовном праве России второй половины XIX – начала XXI вв.: 1) период классической школы уголовного права; 2) период социалистическо-социологической школы уголовного права; 3) период социалистическо-классической школы уголовного права (возврата к классической школе уголовного права); 4) период современной школы уголовного права (или русского неоклассицизма). При этом до второй половины XIX в. отсутствие значимой доктринальной обработки уголовного законодательства позволяет говорить только о прообразах некоторых концептуальных начал современного уголовного права.

6. Концептуальное начало закона определяет круг источников уголовного права и выдвигает к ним определённые требования. Концептуальное начало закона в лаконичном латинизированном стиле может звучать как единство трёх тезисов: *nullum crimen sine lege scripta, nullum crimen sine lege certa, nullum crimen sine lege praevia*. Исторически и содержательно данные формулы являются продуктом классической школы уголовного права.

7. Тезис *nullum crimen sine lege scripta* предполагает, во-первых, только писанный закон как источник уголовно-правовых запретов и, во-вторых, запрет применения уголовного закона по аналогии. В современном уголовном праве с этим тезисом связаны такие проблемные вопросы, как бланкетность уголовного закона, законодательство субъектов Федерации как источник уголовного права и аналогическое толкование уголовного закона судами.

8. Использование бланкетных диспозиций при формулировании уголовного закона требует нахождения конституционно обоснованного соотношения между неизбежностью использования бланкетных диспозиций при формулировании уголовного закона и сохранением действительности тезиса *nullum crimen sine lege scripta* в плане доступности и понятности уголовно-правового запрета.

9. Бланкетность диспозиций уголовного закона потенциально допускает возможность использования законодательства субъектов Федерации при уяснении содержания уголовно-правового запрета. Однако это ведёт либо к дискриминационному применению уголовного закона, либо увеличивает или уменьшает область наказуемого в зависимости от субъекта Федерации. Это не согласуется с рядом конституционных положений (ст. 4, 6, 19, ч. 3 ст. 55 Конституции РФ). Соответственно, законодательство субъектов Федерации не может быть использовано при описании составов преступлений и для решения иных уголовно-правовых вопросов, а деяния, криминализованные с отсылкой к такому законодательству (например, ст. 198–199 УК РФ), должны быть переведены в разряд административных правонарушений.

10. Недопустимое аналогическое толкование уголовного закона фактически означает аналогию уголовного закона, т.е. распространение уголовно-правовых конструкций на ситуации, не охватываемые текстом закона. Аналогическое толкование имеет место тогда, когда при толковании: а) происходит замена одного термина на другой, более общий по содержанию; б) расширяется объём термина по сравнению с иными статьями уголовного закона; в) словам придается значение, явно отличающееся от их обыденного или профессионального значения.

11. Тезис *nullum crimen sine lege certa*, связанный с определённостью уголовного закона, представляет собой сравнительно новый элемент в концептуальном начале закона, развиваемый в последние годы Конституционным Судом РФ. В соответствии с ним (исходя из практики Европейского суда по правам человека и Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г.) закон не должен быть абсолютно

определённым, и правило *nullum crimen sine lege certa* соблюдено постольку, поскольку соответствующее положение истолковано в достаточной мере судебной практикой, а взятые вместе закон и судебная практика дают лицу чёткое указание относительно пределов наказуемого поведения. На основе практики Конституционного Суда РФ можно сегодня и на перспективу говорить о существовании трёх направлений в понимании тезиса *nullum crimen sine lege certa*: внешняя определённость уголовного закона, его внутренняя и бланкетная определённость.

12. Концептуальное начало преступления предполагает обязательное включение в законодательное описание преступления (ст. 14 УК РФ) двух обязательных признаков, без которых не могут происходить как криминализация, так и привлечение к уголовной ответственности: деяния и вины.

13. Требование наличия деяния для наступления уголовной ответственности в современном законодательстве не всегда соблюдается с точки зрения отнесения к деянию в уголовно-правовом смысле специфических форм человеческого поведения. С точки зрения конструкции состава преступления расширение уголовно наказуемой сферы здесь возможно в двух вариантах: во-первых, в рамках расширения наказуемой области неоконченного преступления и, во-вторых, в виде создания специальных составов преступлений. Применительно к первому аспекту следует утверждать, что формирование умысла и обнаружение умысла являются не наказуемыми и не могут рассматриваться как деяние в уголовно-правовом смысле. В равной мере сомнительными с точки зрения концептуального начала преступления являются составы, где в качестве общественно опасного деяния законодатель указывает на призывы (ст. 205², ч. 3 ст. 212, ст. 280, 280¹, 354 УК РФ), оправдание (ст. 205² УК РФ), обещание или предложение (ч. 4 ст. 204¹, ч. 5 ст. 291¹ УК РФ), реабилитацию (ст. 354¹ УК РФ).

14. Вина, рассматриваемая в контексте концептуального начала преступления, предполагает, во-первых, понятие «объём вины»; во-вторых, индивидуализированные критерии вины; в-третьих, надлежащую дифференциацию ответственности за умышленные и неосторожные преступления.

15. Концептуальное начало наказания в части понимания наказания строится на доминировании в понимании наказания (а также институтов освобождения от уголовной ответственности и освобождения от наказания, уголовной ответственности несовершеннолетних) социологических идей о сущности и прикладной полезности наказания. При этом построение системы мер уголовно-правового воздействия в этой части на началах социологической школы предполагает выделение наряду с наказанием иных мер уголовно-правового характера.

16. Иные меры уголовно-правового характера в отличие от наказания связаны преимущественно с общественной опасностью лица, совершившего

преступление (деяние) и имеют в виду предупредительный и (или) исправительный характер в связи с личностью. Соответственно, наказание преимущественно связано с деянием лица и в своих целях восстановления социальной справедливости, исправления и предупреждения предполагает оценку, прежде всего характера и степени общественной опасности преступления.

17. На основе проведенного исследования также можно сформулировать следующие **практические предложения и рекомендации**:

17.1. Следует отказаться от сложившейся практики вступления в силу большинства федеральных законов, вносящих изменения в уголовное законодательство, со дня официального опубликования (ст. 6 Федерального закона от 14 июня 1994 г. № 5-ФЗ «О порядке опубликования и вступления в силу федеральных конституционных законов, федеральных законов, актов палат Федерального Собрания»).

17. 2. В плане внесения изменений в уголовное законодательство необходимо:

а) конструирование на основе ст. 47 и 53 УК РФ самостоятельных иных мер уголовно-правового характера, поскольку данные виды наказаний по своему содержанию представляют иные меры уголовно-правового характера;

б) изменение редакции ч. 3 ст. 104¹ УК РФ, в соответствии с которой «имущество, указанное в частях первой и второй настоящей статьи, переданное осужденным другому лицу (организации), подлежит конфискации, если лицо, принявшее имущество, знало или должно было знать, что оно получено в результате преступных действий», путём определения ее иной отраслевой принадлежности;

в) изменение редакции примечания 1 к ст. 134 УК РФ и ст. 143 УК РФ в части исключения обращения к региональному законодательству при освобождении от наказания или установлении признаков состава преступления соответственно;

г) изменение редакции ст. 153, 155 УК РФ в направлении или уточнения (сужения) криминообразующих мотивов совершения преступления, или их исключения из числа обязательных признаков данных составов преступлений, поскольку в действующей редакции указанные в диспозиции данных статей мотивы не отвечают требованию определённости уголовного закона;

д) изменение редакции ч. 1 ст. 285, ч. 1 ст. 286, ст. 288, ч. 2 ст. 292, ч. 1 ст. 293 УК РФ в части уточнения содержания криминообразующего признака состава преступления («существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства») и перевода его в разновидность признака причинения крупного имущественного ущерба;

е) исключение ч. 4 ст. 204¹ и ч. 5 ст. 291¹ УК РФ (или, менее приемлемо, хотя и альтернативно изменение п. 26 Постановления Пленума Верховного

Суда РФ от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» в направлении сужения описания объективной стороны данного состава преступления). Кроме того, вызывает сомнения обоснованность криминализации публичных призывов к массовым беспорядкам (ч. 3 ст. 212 УК РФ), публичных призывов к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации (ст. 280¹ УК РФ), некоторых альтернатив в составе реабилитации нацизма (ст. 354¹ УК РФ), так как в контексте данных действий целесообразнее использовать конструкции соучастия в виде подстрекательства (ч. 4 ст. 33 УК РФ);

ж) исключение признаков, связанных с личностью совершившего преступление лица, из числа криминообразующих или квалифицирующих признаков составов преступлений (ч. 5 ст. 131, ч. 5 ст. 132, ч. 6 ст. 134, ч. 5 ст. 135, ч. 2, 4 и 6 ст. 264, 264¹ УК РФ).

17. 3. Требуется также внесение изменений в постановления Пленума Верховного Суда РФ:

а) в п. 1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28 декабря 2006 г. № 64 «О практике применения судами уголовного законодательства об ответственности за налоговые преступления» в части установления уголовной ответственности за неуплату региональных и местных налогов (при условии скоординированного изменения законодательства об административных правонарушениях);

б) в п. 4 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 16 октября 2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» в части аналогического толкования признаков должностного лица;

в) в п. 14 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» в части раскрытия признаков составов преступлений, предусмотренных ст. 290 и 291 УК РФ и описания некоторых ситуаций как фактически обнаружения умысла.

Теоретическая и практическая значимость исследования. Диссертационное исследование восполняет существующий пробел в теории уголовного права, связанный с исследованием концептуальной основы современного уголовного законодательства. На базе диссертации возможно развитие самостоятельных направлений в теоретических исследованиях, таких как конституционализация уголовного права, соотношение наказания и иных мер уголовно-правового характера. Диссертационное исследование связывает по ряду вопросов уголовное законодательство России с практикой Европейского суда по правам человека. В научный оборот введено и обосновано понятие «концептуальные начала уголовного права», позволяющее описать базис современного уголовного законодательства.

Результаты диссертационного исследования могут быть использованы при проведении учебных занятий по уголовному праву в высших и средних специальных учебных заведениях, а также в рамках дополнительного профессионального образования.

Предложения по совершенствованию законодательства и судебной практики, высказанные в диссертации, значимы для совершенствования российского уголовного права.

Достоверность диссертационного исследования подтверждается значительным количеством законодательных источников, включая памятники уголовного права и иностранное законодательство, отражающих концептуальные начала уголовного права; монографических и иных научных работ по проблемам концептуальных начал уголовного права, уголовной политики, источников уголовного права, учения о преступлении и учения о наказании; официальными статистическими данными о состоянии судимости в России; материалами судебной практики.

Апробация результатов исследования. Основные положения и выводы диссертационного исследования рецензировались и обсуждались на кафедре уголовного права Юго-Западного государственного университета.

Материалы диссертации опубликованы в четырех монографиях, 69 научных статьях, в том числе 19 опубликованы в изданиях, входящих в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук».

Отдельные положения диссертационного исследования докладывались на VI, VIII Российских конгрессах уголовного права (Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, 2011, 2013 гг.), на международных научно-практических конференциях в Московском государственном юридическом университете имени О. Е. Кутафина (8–11 Международные научно-практические конференции «Уголовное право: стратегия развития в XXI веке», 2011–2014 гг.), на конференциях в иных российских и зарубежных высших учебных заведениях (г. Астана, г. Екатеринбург, г. Махачкала, г. Санкт-Петербург, г. Улан-Удэ) и др.

Результаты диссертационного исследования, отраженные в опубликованных работах автора (научных статьях и монографиях) используются в учебном процессе вузами и факультетами юридического профиля в качестве основной и дополнительной литературы, рекомендуемых в учебниках и учебно-методических комплексах.

Объем и структура диссертации определены целями и задачами исследования. Диссертация состоит из введения, пяти глав, объединяющих восемнадцать параграфов, заключения и списка литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность избранной темы диссертационного исследования, раскрывается степень ее разработанности в науке уголовного права, определены объект и предмет исследования, формулируются цель и задачи работы, показывается научная новизна исследования, приводятся сведения о теоретической и практической значимости работы, раскрывается методология и методы исследования, формулируются выносимые на защиту положения, объясняется степень достоверности сформулированных в диссертации положений и выводов, эмпирическая основа работы, приведены данные об апробации полученных результатов, показана структура диссертации.

Глава первая «Концептуальные начала уголовного права: теоретический аспект» посвящена истории развития уголовного права, дано понятие и раскрывается содержание концептуальных начал уголовного права, проводится их сравнительный анализ с уголовной политикой, а также принципами уголовного права.

В *первом параграфе* «Понятие и содержание концептуальных начал уголовного права» раскрывается смысл, понятие и содержание концептуальных начал уголовного права. Уголовное право, являясь составной частью правовой системы России, представляет собой обладающую внутренним системным единством отрасль права, основанную на Уголовном кодексе Российской Федерации 1996 года как ее базовом источнике.

Прошедшее долгий исторический путь развития, оно включает в себе выверенные временем положения, незримо связанные общими идеями и установками. Эти идеи составляют сердцевину уголовного права и являются сравнительно постоянными величинами в отличие от меняющихся нормативных установлений Уголовного кодекса и сиюминутных устремлений уголовной политики. Не являясь вместе с тем неизменными, они действительно могут претерпевать изменения, но лишь при смене ценностных ориентаций всей социальной системы, на службе которой находится право, в том числе и уголовное.

В понимании диссертанта *концептуальные начала уголовного права представляют собой ставшие результатом доктринальной разработки в рамках школ уголовного права основные идеи, определяющие содержание и наполнение уголовного права и обусловленные определённой системой социально-философских взглядов на природу уголовного права, его задачи и используемый им инструментарий в их решении.*

Концептуальное начало закона предполагает, что нет преступления без указания на то в законе, из чего следует требование определённости уголовного запрета, недопустимость аналогии уголовного закона, ограничение свободы усмотрения суда в толковании уголовного закона и т.д. Проблемными точками здесь сегодня выступают, бланкетные диспозиции и определённость

уголовного закона, вопрос о связи уголовного закона с международно-правовыми нормами и иными нормативными правовыми актами, обратная сила уголовного закона и судебская аналогия.

Концептуальное начало преступления предполагает понятие состава преступления в качестве единственного, необходимого и достаточного основания уголовной ответственности с одновременным признанием в качестве аксиоматических положений идеи субъективного вменения, возможности уголовной ответственности только за сознательно совершённое деяние и личной ответственности.

Концептуальное начало наказания предполагает систему наказательных мер и иных мер уголовно-правового характера, применяемых с учётом тяжести деяния и личности его совершившего.

На уровне *уголовного закона* концептуальные начала устанавливают законодателю определённые границы, в которых тот может действовать, объявляя деяние преступным и наказуемым.

На уровне *судебной практики* концептуальные начала являются руководящими установками для судей при толковании и применении уголовного закона.

На уровне *теории уголовного права* концептуальные начала образуют каркас науки, формируя круг признанных аксиоматических положений.

Автор прослеживает эволюцию, и современное наполнение концептуальных начал уголовного права в законодательстве, судебной практике и теории уголовного права, выявляет в этой связи пробелы и противоречия уголовного закона, обозначает тенденции развития концептуальных начал.

Во *втором параграфе* «Концептуальные начала уголовного права и уголовная политика» отмечается разность во взглядах на понятие, содержание, формы реализации концептуальных начал и уголовной политики.

Анализ имеющихся точек зрения показывает, что принципы уголовной политики, хотя и имеют определённое сходство с концептуальными началами уголовного права, тем не менее, представляют собой слишком отвлечённое понятие; являясь, бесспорно, руководящими идеями, поскольку им следуют, в большинстве своём, не обладая свойством нормативности. Более того, по принятому в правовой литературе мнению «принципы уголовно-правовой политики не могут быть полностью сведены к принципам... уголовного права». Автор полагает, что концептуальные начала уголовного права, и принципы уголовной политики представляют собой разные понятия; первые связаны с орудием последней. Однако из этого не следует подчинённость концептуальных начал уголовной политике.

В *третьем параграфе* «Концептуальные начала уголовного права и принципы уголовного права» отмечается разность в понятии и содержании концептуальных начал и принципов уголовного права.

Диссертант отмечает очевидную схожесть понятий концептуальных начал уголовного права и принципов уголовного права.

Вместе с тем, с его точки зрения, отождествлять их нельзя, и с достаточной долей условности их можно соотнести как форму (принципы) и содержание (концептуальные начала). По мнению автора, те принципы уголовного права, которые частично закреплены в УК РФ в виде ст. 3–7, представляют собой нормативное выражение концептуальных начал уголовного права; это выражение является, как правило, лаконичным, общеориентирующим и нуждается в дальнейших пояснениях в русле концептуальных начал. Это своего рода сумма концептуальных начал уголовного права.

Диссертант допускает, что принципы уголовного права лишь частично отражены в УК РФ, составляя в остальной своей части предмет теоретической дискуссии, можно заключить, что те из них, которые закреплены в уголовном законе в виде его принципов, представляют собой нормативное выражение концептуальных начал. Те же из них, что не закреплены в уголовном законе, являются не столько принципами уголовного права, сколько авторскими представлениями о них, выделяемыми для удобства теоретического анализа.

Формулирование принципов уголовного права является, во-первых, данью системной традиции российского права, прослеживаемой и в других кодифицированных актах, начинающихся с перечисления принципов или основных начал соответствующей отрасли права. Во-вторых, принципы уголовного права, которые закреплены в уголовном законе в виде принципов последнего, являются нормативным выражением концептуальных начал уголовного права, которые вместе с тем существуют самостоятельно и не сводятся к набору принципов уголовного права.

Глава вторая «Эволюция концептуальных начал уголовного права» состоит из пяти параграфов.

В параграфе первом «Периодизация эволюции концептуальных начал уголовного права» рассмотрены аспекты, раскрывающие отдельные периоды, сущность, ценность, значимость и роль концептуальных начал для общества и государства.

Концептуальные начала присущи уголовному праву на всех этапах его развития. Иными словами, из любой уголовно-правовой системы могут быть извлечены основные идеи, определяющие содержание и наполнение уголовного права, которые отражаются в уголовном законе, на практике его применения и в теории уголовного права.

Вместе с тем исследование концептуальных начал ранних уголовно-правовых систем представляет лишь историко-теоретический интерес, поскольку с течением времени на смену этим системам пришло современное уголовное право, кардинально отличное в своих концептуальных началах.

Соборное уложение 1649 года, являющееся основой уголовного права России, на протяжении почти двух столетий, выстроено на идее самодержавной власти.

В эту же эпоху, несколько позднее, появляется след влияния идей Просвещения на российскую действительность – «Наказ комиссии о сочинении проекта нового Уложения» Екатерины II (1767 г.).

Лишь с течением времени в уголовном законодательстве начинают выкристаллизовываться идеи, которые в дальнейшем, с развитием науки уголовного права, будут восприняты ею как концептуальные начала уголовного права.

Начало XIX века, кроме законодательной обработки уголовного права, характеризуется появлением интересных сочинений, в которых можно увидеть дальнейшее развитие концептуальных начал.

Соответственно, по мнению диссертанта, можно выделять следующие этапы эволюции концептуальных начал в уголовном праве России второй половины XIX – начала XXI века:

- 1) период классической школы уголовного права;
- 2) период социалистическо-социологической школы уголовного права;
- 3) период социалистическо-классической школы уголовного права (возврата к классической школе уголовного права);
- 4) период современной школы уголовного права.

Параграф второй «Классическая школа уголовного права (вторая половина XIX в. – конец 1910-х гг.)» посвящён классической школе уголовного права, времен «раннего» и «зрелого» классицизма, пришедшей в Россию вместе с курсом Ансельма Фейербаха, являющейся господствующей в российском уголовном праве вплоть до периода социально-политических потрясений, последовавших за событиями октября 1917 года.

Данная школа сформировалась на базе просветительно-гуманистического направления в науке. Основой последнего стали философские взгляды эпохи французского Просвещения, отражённые в работах Монтескьё, Вольтера и др.

В истории классической школы уголовного права, по мнению автора, можно выделить три этапа: 1) «ранний» классицизм (конец XVIII – первая половина XIX в.); 2) «зрелый» классицизм (вторая половина XIX – начало XX в.); 3) неоклассическое направление (XX – начало XXI в.).

Время «раннего» классицизма характеризуется становлением этой школы уголовного права (конец XVIII – первая половина XIX века). У её истоков стояли философско-правовые взгляды И. Канта и Г. В. Ф. Гегеля.

Классическая школа уголовного права покоится на так называемой либеральной идеологии, отстаивающей идею автономии человеческой личности, ценности её прав и свобод и ограничении государства этими неотъемлемыми правами и свободами.

Для времени «зрелого» классицизма (вторая половина XIX – начало XX в.) характерно дальнейшее развитие идей классической школы уголовного

права, и особенно в теории уголовного права. Именно классическая школа уголовного права определяла развитие российской науки уголовного права во второй половине XIX в.

Заслугой «зрелого» классицизма в России стало глубокое формально-догматическое исследование проблем преступления и наказания, построения уголовного закона, разработка понятия «состав преступления» и его элементов и т.д. (этим были заложены основы, в том числе современной уголовно-правовой теории).

Высшим достижением доминирования классической школы стало Уголовное уложение 1903 г.

На основе норм Уложения в науке формулировалось понятие *состава преступного деяния* как категории, превращающей *деяние* в *преступное деяние*.

Концептуальное начало «наказания» представлено в Уголовном уложении идеей наказания - возмездия. Показательна в этом отношении лестница наказаний, построенная от более тяжкого вида к менее тяжкому.

Уголовное уложение 1903 г. отражало в своём содержании доктрину классической школы уголовного права; воззрения антропологической и социологической школ представлены в нём крайне скудно.

В параграфе третьем «Социалистическо-социологическая школа уголовного права (конец 1910-х – конец 1930-х гг.)» рассматривается смена социально-политического строя в конце 1917 года, которая повлекла «переворот» в законодательстве, в том числе и уголовном. В течение нескольких лет уголовное право изменилось не только содержательно, но и концептуально, и скорость этой смены действительно удивительна.

Автор предлагает наиболее приемлемым именовать рассматриваемый период развития концептуальных начал уголовного права, с конца 1910-х до конца 1930-х годов, периодом *социалистическо-социологической школы уголовного права*.

Первые годы Советской власти характеризовались бессистемным и хаотичным нормотворчеством в уголовно-правовой области.

Уголовное законодательство конца 1910-х – начала 1920-х гг. было представлено, во-первых, Декретами съездов Советов, ВЦИК и СНК РСФСР; во-вторых, нормативными документами Наркомата юстиции РСФСР; в-третьих, местными нормативными правовыми актами; в-четвёртых, прежним, т.е. дооктябрьским уголовным законодательством России.

Уже один из первых нормативных документов Советской власти – Декрет о земле, принятый II Всероссийским съездом Советов 27 октября 1917 г., содержал отступление от одного из основополагающих принципов классической школы уголовного права – *nullum crimen sine poena legali*.

Декрет СНК РСФСР от 24 ноября 1917 г. «О суде» (№ 1) наряду с уничтожением всей старой судебной системы предписал: «Местные суды решают дела именем Российской Республики и руководятся в своих решениях и приговорах законами свергнутых правительств лишь постольку, поскольку

таковые не отменены революцией и не противоречат революционной совести и революционному правосознанию. Примечание. Отмененными признаются все законы, противоречащие декретам Ц.И.К. Советов Р., С. и Кр. Деп. и Рабочего и Крестьянского Правительства, а также программам-минимум Р.С. – Д. Р. Партии и Партии С.Р.».

Дальнейшие декреты всё более сужали возможность применения «старого» законодательства.

По общим подсчётам вплоть до принятия УК РСФСР 1922 г. было принято свыше 400 законодательных и нормативных правовых актов, содержащих уголовно-правовые нормы.

Дальнейшее развитие новых идей происходит в УК РСФСР 1922 г., утверждённом постановлением ВЦИК от 1 июня 1922 г. Принятию кодекса предшествовала большая подготовительная работа, в ходе которой обсуждалось сразу несколько проектов нового уголовного закона.

В итоговом варианте кодекса на смену принципу законности пришла аналогия уголовного закона. Из понятия преступления исчез признак запрещённости уголовным законом.

УК РСФСР в редакции 1926 г., утверждённый постановлением ВЦИК от 22 ноября 1926 г., пришёл очень быстро на смену УК РСФСР 1922 г. и действовал на протяжении 34 лет, до 1 января 1961 года. Именно он отразил основные контуры новых концептуальных начал уголовного права.

Параграф четвёртый «Социалистическо-классическая школа уголовного права (конец 1930-х – середина 1980-х гг.)» посвящен периоду дуализма: «старые» статьи УК РСФСР 1926 г. говорят о мерах социальной защиты, «новые» – о наказании.

Под лозунгом «социалистической законности» в конце 1930-х гг. наблюдается восстановление в уголовном праве идей и институтов, отвергнутых на прежнем этапе его развития.

В 1930-е – 1950-е годы и в меньшей степени в последующие десятилетия в СССР существовало, если можно так выразиться, «два уголовных права»: общеуголовное и политическое.

Закон СССР от 16 августа 1938 г. «О судеустройстве СССР, союзных и автономных республик» сконструировал формулу наказания, которая на протяжении последующих десятилетий станет предметом дискуссии в науке уголовного права о содержании, сущности и целях наказания.

В постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 10 января 1947 г. состав преступления воссоздаётся с помощью его элементов: «Для правильной квалификации... деяния необходимо проанализировать его объективную и субъективную стороны».

Дальнейшее развитие уголовного законодательства показывает возвращение идей классиков в уголовный кодекс.

В 1958 году были приняты новые Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик.

Уголовный кодекс РСФСР 1961г. стал законодательной основой развития уголовного права во второй половине XX века. Во многом именно на основании его положений были разработаны основные теоретические уголовно-правовые конструкции, используемые и сегодня, а сам он текстуально во многом вошёл в содержание УК РФ. УК РСФСР продолжил концептуальную линию союзных Основ 1958 г. и существенно не отличался в своём содержании от текста последних.

В УК РСФСР 1961 г. концептуальные начала, выработанные классической школой уголовного права, доминируют, по меньшей мере, в приложении к учению об уголовном законе и учению о преступлении; учение о наказании в кодексе неоднозначно: оно, как представляется, «разбавлено» проверенными временем институтами, предложенными социологической школой и к этому времени воспринятыми неоклассицизмом.

Рассматриваемый период характеризуется автором, как постепенное восстановление сложившихся в дооктябрьском уголовном праве концептуальных начал последнего. Вместе с тем это восстановление, во-первых, было ограничено уголовно-политическими соображениями. Во-вторых, сравнительно «лёгкое» восстановление концептуальных начал применительно к уголовному закону и преступлению не было таковым соотносительно с наказанием.

В параграфе пятом «Современная школа уголовного права (с середины 1980-х гг. по настоящее время)» диссертантом анализируется новый период в истории концептуальных начал уголовного права, который обусловлен изменениями экономического и социально-политического характера, имевшими место в России (СССР) начиная с середины 1980-х гг., на которые наслоились качественные и количественные изменения преступности.

1 июля 1988 года, была принята резолюция XIX Всесоюзной конференции КПСС «О правовой реформе», в которой было сказано: «Неотъемлемую часть правовой реформы должны составлять кардинальный пересмотр, кодификация и систематизация законодательства».

Основы уголовного законодательства Союза ССР и республик были приняты Верховным Советом СССР 2 июля 1991 года. Основы деполитизировали уголовное законодательство и содержали ряд положений, которые в дальнейшем были восприняты обновлённым уголовным законодательством России.

Разработка нового уголовного кодекса началась в 1991 году рабочей группой, созданной при Министерстве юстиции РФ.

Одновременно с работой группы Министерства юстиции России Верховный Совет РФ совместно с государственно-правовым управлением Администрации Президента РФ начал самостоятельную работу над проектом уголовного кодекса, создав свою рабочую группу.

Наряду с двумя официальными проектами также было подготовлено несколько проектов, разработанных по частной инициативе: проект Уголовного

уложения России (разработан как следствие раскола в рабочей группе Верховного Совета РФ к 1993 году Г. В. Дашковым, Б. В. Здравомысловым, Э. Ф. Побегайло, А. И. Рарогом и др.) и проект уголовного кодекса (подготовлен в Омской Высшей школе милиции МВД РСФСР в 1991 г.).

В 1996 году появился «брат-близнец» УК РФ – Модельный уголовный кодекс для государств – участников Содружества Независимых Государств (далее – МУК), который был принят Межпарламентской Ассамблеей государств – участников Содружества Независимых Государств практически одновременно с действующим Уголовным кодексом России, 17 февраля 1996 года. МУК во многом следует положениям УК РФ в их первоначальной редакции, поскольку разрабатывался он на основе проектов последнего.

Принятый в 1996 году УК РФ является основой для дальнейшего анализа концептуальных начал уголовного права современной России.

Современное состояние российского уголовного законодательства критично, и неслучайно всё чаще раздаются призывы к принятию нового уголовного закона, созданию новой или кардинальному обновлению действующей редакции. Автору представляется, что радикализм и тем более спешка в этом вопросе неуместны, поскольку никто не может гарантировать, что новый УК РФ окажется лучше предыдущего или не будет подвергаться столь же частым и масштабным изменениям, как действующий кодекс.

Глава третья «Концептуальное начало закона» состоит из четырех параграфов.

В параграфе первом «Концептуальное начало закона и источники уголовного права» диссертантом предлагается рассмотреть концептуальное начало закона в том видении, которое ориентировано на определение круга источников уголовного права и выдвижение к ним определённых требований.

В контексте концептуального начала закона автор предлагает подняться на более высокий уровень теоретического анализа или в некоторых случаях проанализировать проблемы, до сегодняшнего дня остающиеся без внимания. Все эти проблемы связаны и логически вытекают из формулировки концептуального начала закона, которое в лаконичном латинизированном стиле может звучать как единство трёх тезисов: *nullum crimen sine lege scripta* (нет преступления без писаного закона), *nullum crimen sine lege certa* (нет преступления без точного закона) *nullum crimen sine lege praevia* (нет преступления без предшествующего закона).

Диссертант полагает, что указанные три формулы как нельзя более точно передают содержание концептуального начала закона, и потому в этом смысле современное российское уголовное покоеится на традициях классической школы уголовного права. При этом они наполнены особым содержанием, которое в преломлении современного российского уголовного права ставит некоторые проблемные вопросы.

Параграф второй «Nullum crimen sine lege scripta» раскрывает понятие тезиса «нет преступления без писаного закона». В традиции классической

школы уголовного права это предполагает, во-первых, только писанный закон как источник уголовно-правовых запретов и, во-вторых, запрет применения уголовного закона по аналогии. Пожалуй, именно этот тезис стал первым проявлением концептуального начала закона, знаменуя собой, переход от абсолютистского произвола Средневековья к законности Нового времени.

В настоящее время тезис *nullum crimen sine lege scripta* закреплён в действующем УК РФ в виде взаимосвязанных положений ч. 1 ст. 1 («Уголовное законодательство Российской Федерации состоит из настоящего Кодекса. Новые законы, предусматривающие уголовную ответственность, подлежат включению в настоящий Кодекс») и ст. 3 («Преступность деяния, а также его наказуемость и иные уголовно-правовые последствия определяются только настоящим Кодексом»; «применение уголовного закона по аналогии не допускается»). Эти нормы неразрывно связаны с конституционными положениями, закреплёнными в ст. 15, 54 и 55 Конституции РФ.

Несмотря на всю свою самоочевидность, тезис *nullum crimen sine lege scripta* вместе с тем ставит сегодня несколько проблемных вопросов, от правильного ответа на которые зависит корректное понимание концептуального начала закона в целом. Вопросы связаны с бланкетностью уголовного закона, законодательством субъектов Федерации как источником уголовного права и аналогическим толкованием уголовного закона судами. Использование бланкетных диспозиций несёт в себе скрытую угрозу двух форм: во-первых, переноса описания запрещённого поведения в пусть и законодательную, но всё же плоскость иных отраслей права, и, во-вторых, и более существенно, такого, же переноса на уровень подзаконных нормативных правовых актов.

С точки зрения автора, одним из самых интересных и значимых вопросов в связи с тезисом *nullum crimen sine lege scripta* является аналогическое толкование уголовного закона судами. Часть 2 ст. 3 УК РФ запрещает применение уголовного закона по аналогии. Однако, пользуясь своим правом толкования закона, суды, очевидно, могут прибегать к такому толкованию, которое фактически будет означать аналогию уголовного закона, т.е. распространение уголовно-правовых конструкций на ситуации, не охватываемые текстом закона.

Третий параграф «*Nullum crimen sine lege certa*» автор посвящает исследованию тезиса «нет преступления без точного закона», который представляет собой сравнительно новый элемент в концептуальном начале закона: если в европейской практике он стал обсуждаться во второй половине XX века, то в российских реалиях его первые следы наблюдаются только в начале 2000-х гг.

Противостоит этому тезису идеология «неизвестности» уголовного закона.

Формулирование тезиса *nullum crimen sine lege certa* в европейской практике связывается и с национальным законодательством, и с международными документами о правах человека.

В российском уголовном праве первое значимое обращение к определённости уголовного закона имело место в 2003 году в практике Конституционного Суда РФ (Постановление от 27 мая 2003 г. № 9-П), который с тех пор остаётся основной движущей силой в развитии тезиса *nullum crimen sine lege certa*. Заявители оспаривали конституционность установления в действовавшей на тот момент редакции ст. 199 УК РФ уголовной ответственности за уклонение от уплаты налогов с организации иным способом как допускающей в силу неопределённости понятия иного способа уклонения от уплаты налогов произвольное истолкование, и, следовательно, нарушающей конституционные принципы правового государства и равенства всех перед законом и судом.

Конституционный Суд РФ не усмотрел нарушения конституционных предписаний в самой по себе норме ст. 199 УК РФ, хотя и придал ей при этом особое толкование. Однако значимы в Постановлении два аргумента суда: во-первых, в силу конституционного принципа равенства всех перед законом и судом запреты и иные установления, закрепляемые в законе, должны быть определёнными, ясными, недвусмысленными; во-вторых, оценка степени определённости содержащихся в законе понятий должна осуществляться исходя не только из самого текста закона, используемых формулировок (в данном случае термина «иной способ»), но и из их места в системе нормативных предписаний. Таким образом, суд допустил возможность признания уголовного законодательства неконституционным вследствие неопределённости и сделал первые шаги к выработке в будущем критериев для оценки конституционности.

За последующие годы был принят целый ряд постановлений и так называемых отказных определений Конституционного Суда РФ, на основе которых можно говорить сегодня и на перспективу о существовании трёх направлений в понимании тезиса *nullum crimen sine lege certa*: внешняя определённость уголовного закона, его внутренняя и бланкетная определённость.

Внешняя определённость уголовного закона связана с требованием формулирования уголовно-правового запрета таким образом, чтобы можно было чётко отграничить уголовно наказуемое деяние от правонарушений иной отраслевой принадлежности и тем более от законопослушного поведения.

Внутренняя определённость уголовного закона предполагает описание признаков состава преступления с точностью и ясностью, без чрезмерного абстрагирования и обобщения. Следует признать, что это один из самых сложных для уяснения компонентов тезиса *nullum crimen sine lege certa*. Историческое развитие уголовного права шло в направлении перехода от казуистических диспозиций к абстрактным, однако этот процесс должен всегда

останавливаться на той грани, за которой начинается уже неопределённый уголовный закон.

Бланкетная определённость уголовного закона предполагает установимость круга источников, к которым отсылает бланкетная диспозиция, с точностью и исчерпанностью при условии, что эти источники не находятся во взаимном противоречии.

Тезис *nullum crimen sine lege certa* в настоящее время, с точки зрения диссертанта, является активно развиваемым конституционно-уголовным направлением судебной практики. Здесь ещё предстоит выработать критерии и, несомненно, Верховный Суд РФ должен принимать более активное участие в этом процессе.

В параграфе четвертом «Nullum crimen sine lege praevia» диссертантом исследуется тезис «нет преступления без предшествующего закона», который является положением, получившим конституционное признание (ст. 54 Конституции РФ) и закреплённым в ст. 9–10 УК РФ.

Проблемы, связанные со *вступлением уголовного закона в силу* носят не столько строго юридический, сколько уголовно-политический характер.

Вопрос об *обратной силе судебной практики* является сравнительно слабо исследованным в правовой литературе. Вместе с тем, с точки зрения диссертанта, это заслуживает особого внимания, поскольку с допущением активной роли суда в толковании норм уголовного закона становится очевидно, что объём уголовно-правового запрета может фактически изменяться в зависимости от позиции судебной практики. И если в связи с изменением судебной практики в пользу лица проблема стоит не столь остро, так как вполне укладывается в тезис *nullum crimen sine lege praevia*, то в случае с ухудшением положения лица судебным толкованием могут возникнуть конституционно правовые сомнения.

Глава четвертая «Концептуальное начало преступления» содержит три параграфа.

В первом параграфе «Концептуальное начало преступления и состав преступления» диссертант исследует через призму концептуальных начал преступления правовую природу и сущность состава преступления.

Концептуальное начало преступления предполагает, что уголовная ответственность и её частное проявление, уголовное наказание, как самые тяжкие разновидности мер государственного принуждения, могут следовать только за совершение преступления. При этом преступление не может произвольно определяться законодателем – оно предполагает наличие в законодательном описании преступления и затем в его понимании в судебной практике некоторых обязательных признаков, без которых уголовная ответственность за такое «преступление» превращается в произвол, несовместимый с правовыми ценностями.

Появившиеся в классической школе уголовного права представления о преступлении как предполагающем единство указанных двух начал, они вместе с тем ещё долгое время сосуществовали в законодательстве.

В действующее уголовное право концептуальное начало преступления привносится с помощью конструкции состава преступления. Безусловно, оба тезиса, образующие концептуальное начало преступления, могут быть выведены из понятия «преступление». В соответствии с ч. 1 ст. 14 УК РФ «преступлением признается виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещенное настоящим Кодексом под угрозой наказания». Слова «деяние», «виновно» прямо указаны в уголовном законе. Однако, с точки зрения автора, во-первых, о преступлении мы можем говорить только тогда, когда есть состав преступления (ст. 8 УК РФ), и, во-вторых, собственно юридический анализ проявления двух тезисов может производиться исключительно с помощью конструкции состава преступления, представляющего собой, следуя его наиболее распространённому определению, «совокупность установленных уголовным законом объективных и субъективных признаков, определяющих общественно опасное деяние как преступление».

Во втором параграфе «Преступление как деяние» диссертант более подробно рассматривает понятие деяния и проводит его анализ.

Требование наличия деяния для наступления уголовной ответственности само по себе не вызывает возражений у специалистов, поскольку является привычным и устоявшимся. Как уже указывалось ранее, термин «деяние» употреблён законодателем в ч. 1 ст. 14 УК РФ. Однако относительно точного содержания его в указанной норме уголовного закона в науке встречаются разногласия.

За пределами устоявшихся взглядов на деяние как обязательный признак объективной стороны состава преступления и представляющее собой «противоправное, осознанное и волевое активное или пассивное поведение человека во внешнем мире, причиняющее вред охраняемым общественным отношениям», начинается область неопределённости, связанная с отнесением к деянию в уголовно-правовом смысле специфических форм человеческого поведения. Иными словами, какие формы человеческого поведения могут быть наказуемы без подрыва концептуального начала преступления?

Следует признать, что в современной литературе этому вопросу уделяется недостаточно внимания.

Диссертант полагает, что тогда и только тогда, когда мысль и слово реализуются в деянии, можно говорить о возможной уголовной ответственности. Однако граница между деянием, мыслью и словом подвижна и неопределённа, и в уголовном законе встречаются особенные проявления человеческой активности, криминализация которых выглядит сомнительной или, по меньшей мере, требует дополнительного обоснования.

С точки зрения конструкции состава преступления вторжение законодателя в область гипотетически не должного быть наказуемым возможна в двух вариантах: во-первых, в рамках расширения наказуемой области неоконченного преступления и, во-вторых, в виде создания специальных составов преступлений.

Деяние, отличное от обнаружения умысла, как проявление концептуального начала преступления должно представлять собой как минимум приготовление к преступлению. При этом формула приготовления, закреплённая в ч. 1 ст. 30 УК РФ, является корректной при том условии, что её открытое положение («иное умышленное создание условий для совершения преступления») будет пониматься как реальное значимое действие в направлении реализации замысла совершить преступление.

Приём создания специальных составов преступлений отчасти пересекается с неоконченным преступлением в том смысле, что законодатель иногда в качестве отдельного состава преступления криминализирует фактически приготовительную деятельность к другому преступлению, в связи, с чем и возникает вопрос о том, есть ли здесь деяние. Поэтому доводы при анализе этих составов могут быть использованы при рассмотрении неоконченного преступления и наоборот. По мнению диссертанта, в действующем уголовном законе сомнительными с точки зрения концептуального начала преступления являются составы, где в качестве общественно опасного деяния законодатель указывает на призывы (ст. 205², ч. 3 ст. 212, ст. 280, 280¹, 354 УК РФ), оправдание (ст. 205² УК РФ), обещание или предложение (ч. 5 ст. 291¹ УК РФ), реабилитацию (ст. 354¹ УК РФ).

Наказуемость нежелательного поведения должна соподчиняться с концептуальным началом преступления в том смысле, что наказанию подлежит лишь деяние человека. Те специфические формы человеческой активности, которые законодателем выдаются за деяние, не всегда являются таковыми, и в уголовном праве должны быть проведены чёткие грани в этой связи.

В параграфе третьем «Преступление как виновное деяние» анализируется «вина» - понимание преступления, как составная часть концептуального начала преступления. То, что стоит за термином «вина» здесь, является предметом дискуссии.

Вина, как общее основание уголовной ответственности, имеет более широкое содержание, не совпадающее с содержанием вины как субъективной стороны состава преступления. Понятие вины как общего основания уголовной ответственности охватывает и оценку субъективной стороны состава преступления. Богатая содержанием проблема вины не ограничивается только лишь субъективной стороной состава преступления и не может быть сведена только к умыслу и неосторожности как формам вины.

С точки зрения диссертанта, другим дискуссионным вопросом является соотношение субъективной стороны состава преступления и вины: совпадающие ли это понятия или же одно из них уже другого. Соответственно,

по мнению автора, концептуальное начало преступления в контексте понимания преступления как виновного деяния предполагает, что преступлением может быть названо только такое деяние человека, в котором проявляется его неправильное отношение к наиболее важным социальным ценностям.

Такой подход не является универсальным в правовых системах стран мира. Господствующее понимание преступления как виновного деяния в зависимости от особенностей национального права может на юридико-техническом уровне обрамляться в разные уголовно-правовые конструкции, не привычные для российского читателя, однако вполне согласующиеся с идеей виновного деяния.

Вина в совершении преступления, понимаемая как умысел или неосторожность, предполагает несколько ключевых точек в связи с концептуальным началом преступления: во-первых, понятие «объём вины»; во-вторых, индивидуализированные критерии вины; в-третьих, дифференциацию ответственности за умышленные и неосторожные преступления.

С точки зрения концептуального начала преступления объём вины предполагает невозможность уголовной ответственности в отсутствие психического отношения лица ко всем юридически значимым признакам состава преступления в формах, допускаемых уголовным законом.

Концептуальное начало преступления как виновного деяния предполагает, прежде всего, реализацию в уголовном праве требования об объёме вины: криминообразующие и квалифицирующие признаки состава преступления, а равно обстоятельства, смягчающие или отягчающие наказание, должны охватываться виной лица в том смысле, что должны быть позитивно доказаны как имеющиеся при вынесении приговора суда. Другой, уже более дискуссионный вопрос, связан с тем, каким должно быть это виновное отношение, т.е. допустимо ли теоретически конструировать неосторожное отношение к криминообразующим и квалифицирующим признакам в умышленном преступлении или же это отношение может быть только умышленным (как вариант, сознательным). В науке предложены разные варианты ответа. Однако, нельзя забывать об идее преступления как виновного деяния.

Преступление как виновное деяние, предполагает только индивидуализированные критерии вины. Это означает, что умысел и неосторожность в действиях (бездействии) лица могут устанавливаться только в связи с индивидуальными характеристиками данного человека, его особенностями и способностями.

Разделение вины на умысел и неосторожность, само по себе восходящее ещё к римскому праву, может на первый взгляд показаться имеющим лишь отдалённую связь с концептуальным началом преступления. Однако, с точки зрения диссертанта, понимание преступления как деяния, в котором выразилось отрицательное или недостаточно внимательное психическое отношение к

основным социальным ценностям, означает необходимость учёта характера формы вины как минимум по двум направлениям: во-первых, в направлении ограничения уголовной ответственности за неосторожное причинение вреда и, во-вторых, в направлении дифференциации ответственности за умышленные и неосторожные преступления.

Глава пятая «Концептуальное начало наказания» содержит три параграфа.

В первом параграфе «Личная ответственность за преступление» исследуется личная ответственность за преступление как проявление концептуального начала наказания, которое является едва ли не самым сложным для уяснения раскрытия по целому ряду причин.

Во-первых, само по себе понятие наказания на протяжении многих столетий является предметом дискуссии.

Во-вторых, данная область уголовного права связана сразу с несколькими теоретическими конструкциями, к числу которых относится так называемое *jus puniendi* (право наказания), само по себе учение о наказании (его понятие, признаки, цели) и представления о системе и видах наказаний. *Jus puniendi* (право наказания) представляет собой сравнительно недавно вызванную из забвения интересную теоретическую конструкцию, связанную с обоснованием права государства на наказание.

В-третьих, как следствие развития социологической и антропологической школ уголовного права наказание вынуждено было «потесниться» на уголовно-правовой арене за счёт появления в области следствий совершённого деяния или в связи с личностью опасного лица особых конструкций, говоря в широком смысле, иных, ненаказательных мер уголовно-правового характера. Именно наказание, непосредственно связанное с реакцией государства на совершенное преступление, с реакцией, которая должна быть ощутимой и действенной, испытало на себе столкновение различных уголовно-правовых школ, которое было настолько сильным, что следы размежевания, споров наблюдаются вплоть до сегодняшнего дня.

Все эти факторы с точки зрения теории уголовного права приводят к тому, что концептуальное начало наказания на первый взгляд представляется достаточно размытым как следствие рассогласованности доктринальных представлений, на что накладывается ещё и неопределённость законодательных решений. По сути, можно даже утверждать, что того господствующего мнения, о котором писалось выше, в связи с наказанием не наблюдается. И поэтому, с точки зрения автора, задача состоит не в создании такого мнения, а в описании спорных точек с позиций концептуального начала и выявлении очевидных, накопившихся проблем и вопросов.

В современной доктрине личный характер ответственности аксиоматичен. Однако, несмотря на очевидность тезиса о личной ответственности, всё ещё встречаются абсурдные попытки отказаться от этого постулата уголовного права. Личная ответственность, оставаясь проявлением

концептуального начала наказания, вместе с тем получает искажённое отражение в некоторых нормах действующего уголовного закона.

В параграфе втором «Наказание, иные меры уголовно-правового характера и концептуальное начало наказания» автором исследуется природа наказания, и иные меры уголовно-правового характера с точки зрения концептуального начала наказания, что является предметом дискуссии в науке уголовного права.

В несколько примитивном противопоставлении дискуссия о наказании может быть представлена как спор классической и социологической школ о предназначении наказания, является ли оно самоцелью или же всё-таки преследует иные цели, в особенности исправления и предупреждения.

Однако, с точки зрения диссертанта, историческое оживление дискуссии о наказании можно связать с появлением социалистическо-классической школы уголовного права.

Несмотря на множественность и даже где-то полярность точек зрения, начиная с 1960-х гг. можно, тем не менее, утверждать о постепенном доминировании идей социологической школы в приложении к пониманию наказания и связанных с ним институтов уголовного права. Однако, это утверждение не происходило легко, и в определенном смысле сегодня в этой области концептуальных начал наблюдается симбиоз классиков и социологов, когда понимание наказания, иных мер уголовно-правового характера, являясь по преимуществу социологическим, дополняется, тем не менее, «классическими» по происхождению взглядами на личную ответственность и справедливость. Обусловлено это, на взгляд диссертанта, тем, что практико-ориентированные идеи социологической школы как нельзя лучше пригодны для понимания задач, стоящих перед уголовным наказанием, чем основанные часто на умозрительных концепциях идеи наказания как высшей справедливости, самоценности самой по себе, предложенные классиками.

Разработка и принятие УК РФ практически не сопровождалась оживлением дискуссии о каре, хотя исключение упоминания о каре из ст. 43 УК РФ и возведение в ранг принципа уголовного права положения о том, что «наказание и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступление, не могут иметь своей целью причинение физических страданий или унижение человеческого достоинства» (ч. 2 ст. 7 УК РФ), и могло подвигнуть доктрину к этому.

Автор полагает, что целый ряд факторов показывает отход классической школы уголовного права в понимании наказания на второй план. Во-первых, это исчезновение слова «кара» из УК РФ. Во-вторых, четкое формулирование в русле социологических идей целей наказания в ч. 2 ст. 43 УК РФ. В-третьих, развитие системы иных мер уголовно-правового характера с момента принятия УК РФ в 1996 г.

Диссертант отмечает, что сколь бы ни было сильно влияние идей социологической школы на законодательство и теорию уголовного права, следы классицизма, так или иначе встречаются и в современных работах.

По мнению автора, наказание и иные меры уголовно-правового характера образуют единый уголовно-правовой блок, связанный со следствиями совершённого деяния.

Задача уголовно-правовой науки в связи с иными мерами уголовно-правового характера в ближайшем будущем состоит в кристаллизации этого института уголовного права и корректном отграничении его от института наказания. Концептуальное начало наказания может в этом случае служить критерием разграничения двух групп мер государственного принуждения и придания системе мер уголовно-правового характера доктринальной чистоты.

Диссертант отмечает, что концептуальное начало наказания в современном уголовном праве может быть названо таковым несколько условно. Идеи исправления и предупреждения, обоснованно признанные уголовным правом последнего столетия, неразрывно связаны с иными мерами уголовно-правового характера, и этот институт будет сосуществовать в будущем с наказанием. Однако поскольку основная форма реакции государства на совершённое преступление всегда была и будет наказание, постольку можно и нужно говорить именно о концептуальном начале наказания.

В третьем параграфе «Справедливость наказания в контексте концептуального начала наказания» исследуется справедливость наказания как проявление концептуального начала наказания, которое является одним из примеров удачного законодательного решения.

Справедливость, по мысли законодателя, прежде всего, выражается в том, что наказание должно соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления и обстоятельствам его совершения

В этом тезисе идеи уже классической школы уголовного права реализуются в двух плоскостях.

Первая из них связана с законодательным признанием и практической реализацией на правотворческом уровне требования соответствия характера и степени общественной опасности преступления предписанному за его совершение наказанию. Увязка наказания и вреда составляет один из отправных постулатов классической школы уголовного права.

Вторая плоскость справедливости наказания связана с практическим назначением наказания за уже совершённое деяние.

Вместе с тем диссертант признает, что здесь начала классической школы уголовного права вполне обоснованно модифицировались со временем под влиянием идей социологической школы, так что сегодня можно говорить о слиянии этих двух школ (неоклассицизм или неосоциологизм). Это слияние выражается в признании влияния на назначаемое наказание не только характера и степени общественной опасности совершённого преступления, но и личности совершившего его лица.

Это влияние прослеживается через допущение широкого круга обстоятельств, смягчающих и отягчающих наказание и связанных с личностью обвиняемого лица, через формулирование обширного перечня связанных с личностью обстоятельств, позволяющих освободить от уголовной ответственности или от наказания при определённых условиях даже за самые тяжкие преступления.

Пределы такой «социологизации» уголовного закона могут быть предметом дискуссии, однако, здесь возможно провести чёткую границу между классической и социологической школами: личность виновного не должна приниматься во внимание при конструировании санкций статей Особенной части УК РФ, а может учитываться лишь при назначении наказания, освобождении от уголовной ответственности или от наказания.

Деяние, а не личность его совершившего, стоит в основе наказания по российскому уголовному праву, и это есть следствие концептуального начала наказания.

Последним проявлением справедливости наказания служит запрет двойного привлечения к уголовной ответственности. В современном российском уголовном праве этот запрет анализируется в основном ad hoc, в сочетании с процессуальными нормами.

В **Заключении** диссертации автором подведены итоги исследования, сформулированы основные положения и выводы, имеющие определенное теоретическое и практическое значение в рамках обозначенной темы исследования.

Основные положения диссертационного исследования опубликованы в следующих работах:

I. Статьи, опубликованные в научных изданиях, входящих в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук» Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки Российской Федерации

1. Баумштейн А. Б. Значение субъективной стороны в составах экологических преступлений / А. Б. Баумштейн // Закон и право. – М., 2006. - № 10. - С. 76-77 (0,6 п. л.).

2. Баумштейн А. Б. Изменения в санкциях экономических преступлений: ошибка или четко продуманный ход? / А. Б. Баумштейн // Евразийский юридический журнал. – М., 2012. - № 3 (46). - С. 116-118 (0,35 п. л.).

3. Баумштейн А. Б. Соответствие наказания характеру и степени общественной опасности в нормах уголовного права РФ / А. Б. Баумштейн // Вестник Академии права и управления. – М., 2012. - № 26. - С. 63-67 (0,6 п. л.).

4. Баумштейн А. Б. Историческое развитие классической школы уголовного права / А. Б. Баумштейн // История государства и права. – М., 2013. - № 7. - С. 22-26 (0,6 п. л.).

5. Баумштейн А. Б. Классическая школа уголовного права: этапы исторического развития / А. Б. Баумштейн // Закон и право. – М., 2013. - № 12. - С. 69-73 (0,5 п. л.).

6. Баумштейн А. Б. Понятие концептуальных начал уголовного права / А. Б. Баумштейн // Вестник Академии права и управления. – М., 2013. - № 32. - С. 24-28 (0,3 п. л.).

7. Баумштейн А. Б. Социалистическо-социологическая школа уголовного права (конец 1910-х – конец 1930-х гг.) / А. Б. Баумштейн // Вестник Академии права и управления. – М., 2013. - № 33. – С. 147-151 (0,5 п. л.).

8. Баумштейн А. Б. Концептуальное начало преступления и состав преступления / А. Б. Баумштейн // Закон и право. – М., 2014. - № 7. - С. 72-73 (0,3 п. л.).

9. Баумштейн А. Б. Концептуальные начала уголовного права в современной России / А. Б. Баумштейн // Вестник Академии права и управления. – М., 2014. - № 35. – С. 79-84 (0,4 п. л.).

10. Баумштейн А. Б. Личная ответственность за преступление / А. Б. Баумштейн // Вестник Академии права и управления. – М., 2014. - № 37. - С. 24-27. (0,4 п. л.).

11. Баумштейн А. Б. Нет преступления без писаного закона / А. Б. Баумштейн // Закон и право. – М., 2014. - № 6. - С. 81-83 (0,35 п. л.).

12. Баумштейн А. Б. Новый период в истории концептуальных начал уголовного права. Середина 1980-х – начало 1990 годов / А. Б. Баумштейн // Закон и право. – М., 2014. - № 4. - С. 77-80 (0,5 п. л.).

13. Баумштейн А. Б. Особенности Уголовного уложения 1903 г. и его значение для российского права / А. Б. Баумштейн // Юридическая мысль. – СПб., 2014. - № 1(81). - С. 5-8 (0,4 п. л.).

14. Баумштейн А. Б. Развитие концептуальных начал уголовного права в законодательных актах и теоретической литературе в период конца 1910-х – начала 1920-х гг. / А. Б. Баумштейн // Юридическая мысль. – СПб., 2014. - № 2(82). - С. 15-19 (0,4 п. л.).

15. Баумштейн А. Б. Развитие российского уголовного законодательства в середине 1920-х – начала 1930-х гг. / А. Б. Баумштейн // Юридическая мысль. – СПб., 2014, - № 3(83). - С. 9-14 (0,4 п. л.).

16. Баумштейн А. Б. Три самые известные концепции уголовного права России двух последних десятилетий / А. Б. Баумштейн // История государства и права. – М., 2014. - № 5. - С. 22-24 (0,35 п. л.).

17. Баумштейн А. Б. Эволюция концептуальных начал уголовного права в Уголовном кодексе РФ / А. Б. Баумштейн // Закон и право. – М., 2014. - № 5. - С. 85-87 (0,6 п. л.).

18. Баумштейн А. Б. Nullum crimen sine lege scripta / А. Б. Баумштейн // Вестник Академии права и управления. – М., 2014. - № 36. - С. 69-73 (0,35 п. л.).

19. Баумштейн А. Б. Социалистическо-классическая школа уголовного права (конец 1930-х – середина 1950-х гг. / А. Б. Баумштейн // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. – Курск, 2016. - № 2(19). – С. 104-109.

II. Монографии

1. Баумштейн А. Б. Вина в составах экологических преступлений. Вина, ее значение и регламентация: монография / А. Б. Баумштейн. - Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH & Co., 2011. - 196 с. (12 п. л.).

2. Баумштейн А. Б. Концептуальные начала уголовного права. Историко-теоретическое исследование: монография / А. Б. Баумштейн; науч. ред. А. И. Рарог. – М.: Проспект, 2012. – 123 с. (8 п. л.).

3. Баумштейн А. Б. Концептуальные начала современного российского уголовного права / А. Б. Баумштейн; Министерство образования и науки РФ; ФГБОУ ВПО Московский государственный машиностроительный университет (МАМИ). – М.: Университет машиностроения, 2014. - 167 с. (9,76 п. л.).

4. Баумштейн А. Б. Концептуальные начала уголовного права России: монография / А. Б. Баумштейн; науч. ред. А. И. Рарог. – М.: Юрлитинформ, 2014. – 256 с. (16 п. л.).

III. Статьи, опубликованные в других научных изданиях

1. Баумштейн А. Б. Законодательная регламентация вины в составах экологических преступлений / А. Б. Баумштейн // Актуальные проблемы российского права. Сборник научных трудов / МГЮА. – М., 2005. - Вып.1. - С. 259-267 (0,7 п. л.).

2. Баумштейн А. Б. Законодательное регулирование ответственности за экологические преступления / А. Б. Баумштейн // Уголовный процесс. – М., 2005. - № 5. - С.17-24 (0,7 п. л.).

3. Баумштейн А. Б. Вина в составах экологических преступлений / А. Б. Баумштейн // Уголовный процесс. – М., 2006. - № 1. - С. 22-30 (0,8 п. л.).

4. Баумштейн А. Б. Концепция института соучастия в Уголовном кодексе РФ; истоки и реализация / А. Б. Баумштейн // Теоретико-правовые проблемы укрепления российской государственности: научные труды IV международной научно-практической конференции / отв. ред. В.Т. Азизова, М. А. Мирзаев. - Махачкала, 2010. - С.181-185 (0,8 п. л.).

5. Баумштейн А. Б. Некоторые аспекты наркомагической преступности в г. Москве / А. Б. Баумштейн, Е. А. Соломатина // Теоретико-правовые проблемы укрепления российской государственности: научные труды IV международной научно-практической конференции / отв. ред. В. Т. Азизова, М. А. Мирзаев. - Махачкала, 2010. - С. 260-264 (0,3 п. л./0,6 п. л.).

6. Баумштейн А. Б. Основания уголовной ответственности и совершенствование борьбы с несовершеннолетней преступностью / А. Б. Баумштейн, А. А. Рожнов // Правовая система России: история и современность: материалы III ежегодной научно-практической конференции. Московский государственный открытый университет (3 декабря 2010 г.). - М.: Изд-во МГОУ, 2010. - С. 43-47 (0,3 п. л./0,6 п. л.).

7. Баумштейн А. Б. Степень вины: понятие и ее влияние на правильную квалификацию и назначение справедливого наказания / А. Б. Баумштейн, Е. А. Соломатина // Теоретико-правовые проблемы укрепления российской государственности: научные труды IV международной научно-практической конференции / отв. ред. В. Т. Азизова, М. А. Мирзаев. - Махачкала, 2010. - С.185-188 (0,15 п. л./0,3 п. л.).

8. Баумштейн А. Б. Вина и ее влияние на общественную опасность / А. Б. Баумштейн // Предупреждение преступности: реалии и перспективы в XXI веке: материалы международной научно-практической конференции (25 марта 2011 г.). - Астана, 2011. - С.126-134 (0,9 п. л.).

9. Баумштейн А.Б. Влияние общественной опасности преступного поведения на конструкцию состава преступления / А. Б. Баумштейн, О. Г. Кашайкина // Теоретико-правовые проблемы укрепления российской государственности: научные труды IV международной научно-практической конференции / отв. ред. А. М. Муртазалиев [и др.]. - Махачкала: Изд-во ДГУ, 2011. - Т. 2. - С. 222-228 (0,3 п. л./0,6 п. л.).

10. Баумштейн А. Б. Возможные пути совершенствования норм об экологических преступлениях / А. Б. Баумштейн // Актуальные проблемы юридической науки: материалы международной научно-практической конференции (20 октября 2011 г.) / Отв. ред. А. М. Муртазалиев. - Махачкала: «РиасофтЛТД», 2011. - С. 208-210 (0,5 п. л.).

11. Баумштейн А. Б. К построению системы преступлений против интеллектуальной собственности / А. Б. Баумштейн // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы восьмой Международной научно-практической конференции 27-28 января 2011 г. /Отв. ред. А. И. Рарог. - М.: Проспект, 2011. - С. 371-375 (0,3 п.л.).

12. Баумштейн А. Б. Концептуальное единство уголовного закона и поправки - «заплатки» / А. Б. Баумштейн // Уголовное право: истоки, реалии, переход к устойчивому развитию: материалы VI Российского конгресса уголовного права (26-27 мая 2011 года). - М.: Проспект. 2011. - С. 412-414 (0,4 п. л.).

13. Баумштейн А. Б. Определение субъективной стороны в составах экологических преступлений / А. Б. Баумштейн // Новый юридический журнал. – М., 2011. - № 3(июль-сентябрь). - С.149-152 (0,5 п. л.).

14. Баумштейн А. Б. Основные законодательные источники уголовного права Московского государства XVI-XVII веков: общая характеристика / А. Б. Баумштейн, А. А. Рожнов // Теоретико-правовые проблемы укрепления российской государственности: научные труды IV Международной научно-практической конференции / отв. ред. А. М. Муртазалиев [и др.]. - Махачкала: Изд-во ДГУ, 2011. - Т. 2. - С. 294-299 (0,2 п. л./0,4 п. л.).

15. Баумштейн А. Б. Особенности привлечения несовершеннолетних к уголовной ответственности / А. Б. Баумштейн // Известия экономики и права. Научно-аналитический журнал. – Кизляр, 2011. - № 1 (Март). - С. 42-44 (0,25 п. л.).

16. Баумштейн А. Б. Проблемы российского уголовного законодательства: теория и реальность / А. Б. Баумштейн // Проблемы борьбы с теневой экономикой в Российской Федерации: сборник статей участников II ежегодной межвузовской научно-практической конференции. - М., 2011. - С.15-20 (0,4 п. л.).

17. Баумштейн А. Б. Пути совершенствования российского законодательства в составах экологических преступлений / А. Б. Баумштейн // Правовая система России: история и современность. Материалы IV ежегодной научно-практической конференции. Московский государственный открытый университет (3 декабря 2011 г.). - М.: Изд-во МГОУ, 2011. - С. 58-61 (0,6 п.л.).

18. Баумштейн А. Б. Административная и уголовная ответственность (к разработке нового уголовного закона) / А. Б. Баумштейн // Правовая система России: история и современность. Материалы V межвузовской научно-практической конференции 5 декабря 2012 г. / Московский государственный открытый университет им. В. С. Черномырдина. – М.: Изд-во МГОУ, 2012. - С. 205-210 (0,6 п. л.).

19. Баумштейн А. Б. Законодательная регламентация и совершенствование борьбы с несовершеннолетней преступностью / А. Б. Баумштейн // Ювенальная юстиция и проблемы защиты прав несовершеннолетних. Материалы III Международной научно-практической конференции (г. Улан-Удэ, 16-18 сентября 2011 г.). – Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2012. - С. 131-133 (0,6 п. л.).

20. Баумштейн А. Б. К вопросу об экологических преступлениях / А. Б. Баумштейн // Системные технологии. Юридические науки: научно-практический журнал. - Махачкала, 2012. - № 2. - С. 30-34 (0,4 п. л.).

21. Баумштейн А. Б. Некоторые проблемы привлечения к уголовной ответственности за преступления, связанные с половой неприкосновенностью несовершеннолетних / А. Б. Баумштейн // Новый юридический журнал. – М., 2012. - № 1 (январь-март). - С. 167-170 (0,5 п. л.).

22. Баумштейн А. Б. Содержание концептуальных начал в российском уголовном праве / А. Б. Баумштейн // Новый юридический журнал. – М., 2012. - № 4 (октябрь-декабрь). - С.147-151 (0,35 п. л.).

23. Баумштейн А. Б. Этапы развития российского уголовного законодательства (постсоветская эпоха) / А. Б. Баумштейн // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы IX Международной конференции 26-27 января 2012 г. – М.: Проспект, 2012. - С. 35-39 (0,6 п. л.).

24. Баумштейн А. Б. Значение уголовной политики при строении правовых норм / А. Б. Баумштейн // Заочная Всероссийская научно-практическая конференция "Актуальные проблемы реализации основ юридических дисциплин" (10 февраля 2013 г.). - Махачкала, 2013, - С. 49-56 (0,6 п. л.).

25. Баумштейн А. Б. Историческое становление и развитие института условно-досрочного освобождения в России / А. Б. Баумштейн, К. В. Митрофанова // Новый юридический журнал. – М., 2013. - № 1 (январь-март). - С.171-177 (0,35 п. л./0,7 п. л.).

26. Баумштейн А. Б. Кодификация концептуальных начал уголовного права в Уголовном уложении 1903 года / А. Б. Баумштейн // Проблемы кодификации уголовного закона: история, современность, будущее (посвящается 200-летию проекта Уголовного уложения 1813года): Материалы VIII Российского конгресса уголовного права, состоявшегося 30-31 мая 2013 года / отв. ред. В. С. Комиссаров. – М.: Юрлитинформ, 2013. - С. 20-23 (0,4 п. л.).

27. Баумштейн А. Б. О понятии концептуальных начал уголовного права / А. Б. Баумштейн // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы X Международной научно-практической конференции (24-25 января 2013 г.). – М.: Проспект, 2013. - С. 8-11(0,4 п. л.).

28. Баумштейн А. Б. О принципах уголовного права / А. Б. Баумштейн // Юридическая наука и развитие российского законодательства в условиях модернизации: материалы Международной научной конференции / отв. ред. Б. Б. Сулейманов. – М.: РПА Минюста России, 2013. - С. 392-395 (0,5 п. л.).

29. Баумштейн А. Б. Основопологающие признаки объективной стороны в понятии состава преступления / А. Б. Баумштейн, Е. И. Чеснокова // Новый юридический журнал. – М., 2013. - № 2 (апрель-июнь). - С.133-137 (0,3 п. л./0,6 п. л.).

30. Баумштейн А. Б. Понятие, формы реализации и принципы уголовной политики / А. Б. Баумштейн // Правовая политика: федеральный, региональный и муниципальный уровни: Сборник научных трудов по материалам Всероссийского научно-практического круглого стола (Махачкала 19 апреля 2012 года) / под общ. ред. А. В. Малько, Б. Б. Сулейманова. – М.: РПА Минюста России, 2013. - С. 49-56 (0,5 п. л.).

31. Баумштейн А. Б. Роль концептуальных начал уголовного права для теории законодательства и судебной практики / А. Б. Баумштейн // Актуальные

проблемы мировой и региональной экономики и права на современном этапе: материалы Всероссийской (заочной) научно-практической конференции (18 февраля 2013г.). – М.: ФБУ НЦПИ при Минюсте России, 2013. - С. 84-87 (0,45 п. л.).

32. Баумштейн А. Б. Значение концептуальных начал уголовного права для российского законодательства / А. Б. Баумштейн // Суверенитет государства и права. Материалы Международной конференции (15 марта 2014года г. Санкт-Петербург). – СПб.: Фонд развития юридической науки; Центр академических публикаций, 2014. - С. 42-45 (0,4 п. л.).

33. Баумштейн А. Б. Классическая школа уголовного права в начале XX в. / А. Б. Баумштейн // Международный научно-исследовательский журнал. – Екатеринбург, 2014. - № 2(21). – Ч. 3. - С. 5-6 (0,5 п. л.).

34. Баумштейн А. Б. Концептуальное начало закона / А. Б. Баумштейн // Актуальные проблемы систематизации законодательства, информационного права и информационной безопасности: материалы Международной научно-практической конференции 05-06 июня 2014 года. Конференция приурочена к 150-летию юбилею принятия судебных уставов 1864 года. – М., 2014. - С.118-123 (0,35 п. л.).

35. Баумштейн А. Б. Концептуальные начала уголовного права и уголовная политика / А. Б. Баумштейн // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы XI Международной научно-практической конференции (30-31 января 2014г.). – М.: Проспект, 2014. - С. 10-14 (0,5 п. л.).

36. Баумштейн А. Б. Основы уголовного законодательства Союза ССР и республик 1991 года / А. Б. Баумштейн // Сборник публикаций Московского центра правовых исследований по материалам VII международной научно-практической конференции: «Современные взгляды на систему права»; г. Москва: сборник со статьями (уровень стандарта, академический уровень). – М.: Московский центр правовых исследований, 2014-2015. – С. 15-17 (0,35 п. л.).

37. Баумштейн А. Б. Особенности ответственности за совершение должностных преступлений в российском законодательстве начала XIX века / А. Б. Баумштейн // Демократия и право: соотношение понятий. Материалы Международной научно-практической конференции. (28 февраля 2014 года). – М.: Московский центр правовых исследований, 2014. - С.72-75 (0,3 п. л.).

38. Баумштейн А. Б. Развитие уголовного права в советский период (конец 1950-х – середина 1980-х гг.) / А. Б. Баумштейн // Сборник публикаций фонда развития юридических наук: «Либеральная политика правового регулирования: перспективы и проблемы» «Идея правового государства и вызовы XXI века»: сборник со статьями. – СПб.: Фонд развития юридической науки, 2014. - С. 33-36 (0,35 п. л.).

39. Баумштейн А. Б. Соотношение криминализации и концептуальных начал уголовного права / А. Б. Баумштейн // Ренессанс естественно-правового понимания права: международная конференция (18 апреля 2014 года г. Санкт-

Петербург). – СПб.: Фонд развития юридической науки; Центр академических публикаций, 2014. – С. 36-39 (0,4 п. л.).

40. Баумштейн А. Б. Справедливость как принцип назначения наказания / А. Б. Баумштейн // Сборник публикаций Московского центра правовых исследований по материалам VI международной научно-практической конференции: «Современные взгляды на систему права»; г. Москва: сборник со статьями (уровень стандарта, академический уровень). – М.: Московский центр правовых исследований, 2014-2015. – С. 22-25 (0,3 п. л.).

41. Баумштейн А. Б. Эволюция концептуальных начал уголовного права в Уголовном кодексе РФ 1996 г. / А. Б. Баумштейн // Конституционализм и правовая система России: итоги и перспективы: сборник докладов / Московский государственный юридический университет им. О. Е. Кутафина (МГЮА). V Международная научно-практическая конференция «Кутафинские чтения». Секция уголовного права и криминологии (26-28 ноября 2013 года, Москва); ред. А. И. Рарог [и др.]. – М.: Проспект, 2014. – С. 6-10 (0,4 п. л.).

42. Баумштейн А. Б. Классическая школа уголовного права / А. Б. Баумштейн // Сборник статей международной исследовательской организации «Cognitio» по материалам V международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы науки XXI века»; г. Москва: сборник со статьями (уровень стандарта, академический уровень). – СПб.: Международная исследовательская организация «Cognitio», 2015. – Ч. 3. – С. 156-159 (0,35 п. л.).

43. Баумштейн А. Б. Критерий «среднего» человека в российском уголовном праве / А. Б. Баумштейн // Сборник публикаций научного журнала «Globus» по материалам III международной научно-практической конференции: «Экономика и юриспруденция: теория и практика»; г. Санкт-Петербург: сборник со статьями (уровень стандарта, академический уровень).- СПб.: Научный журнал «Globus», 2015. – С. 131-133. (0,3 п. л.).

44. Баумштейн А. Б. Личная ответственность за преступление в российском уголовном праве / А. Б. Баумштейн // Сборник статей международной исследовательской организации «Cognitio» по материалам IV международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы науки XXI века»; г. Москва: сборник со статьями (уровень стандарта, академический уровень). – СПб.: Международная исследовательская организация «Cognitio», 2015. – Ч. 1. – С. 127-130 (0,4 п. л.).

45. Баумштейн А. Б. Понятие уголовной политики в уголовном праве / А. Б. Баумштейн // Сборник публикаций Фонда развития юридических наук по материалам IX международной научно-практической конференции: «Тенденции развития современной юриспруденции»; г. Санкт-Петербург: сборник со статьями (уровень стандарта, академический уровень). - СПб.: Фонд развития юридической науки, 2015. – С. 24-26 (0,3 п. л.).

46. Баумштейн А. Б. Аналогическое толкование уголовного закона в современном уголовном праве: критическое восприятие / А. Б. Баумштейн // Преступления в сфере экономики: российский и европейский опыт: материалы

VIII совместного российско-германского круглого стола (Москва, 21 октября 2016 г.) / Отв. ред. А. И. Рарог, Т. Г. Понятовская. – М.: Издательский центр Университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА), [2016]. – (0,4 п. л.).